

ГОДЕМ ПРЯЧЕТСЯ В ТЕНЯХ

СТАСС БАБИЦКИЙ



Стасс Бабицкий

Голем прячется в тених

Серия «Сыщик Мармеладов»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66925263
ISBN 978-5-907403-30-7

Аннотация

Июль 1883 года. Прага стонет под гнетом Австро-Венгерской империи. В городе запрещены газеты на чешском языке. В университете преподают немецкие профессора, а студентов исключают за вольнодумство. Горожане ненавидят полицию, присягнувшую на верность Габсбургам, но пока еще не готовы восстать против тирании. Все помнят, как жестоко был подавлен предыдущий пражский бунт. Каждый третий доносит на соседа, чтобы под шумок растащить чужое добро. В предместьях, как обычно, боятся погромов...

В этом кипящем котле плавают судьбы целых народов и отдельных людей. Юная карманная воровка. Старый алхимик. Гончар-бунтовщик. Ночной портье из роскошной гостиницы. Ворчливый следователь, имеющий собственное представление о правосудии. И русский сыщик – чужак, которого судьба привела в Прагу в самый неподходящий момент. Или, напротив, в самый подходящий. На улицах города неспокойно, здесь убивают

людей – каждый раз ровно в полночь. В жутких преступлениях подозревают Голема, глиняного великана из древних легенд. Удастся ли Мармеладову остановить чудовище?

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	7
Сцена первая	7
Сцена вторая	10
Сцена третья	18
Сцена четвертая	31
Действие второе	40
Сцена первая	40
Сцена вторая	42
Сцена третья	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Стасс Бабицкий
Голем прячется в тенях
Пьеса для радиотеатра
в пяти действиях

Действующие лица

ГОЛОС ПРАГИ, призранный судья, решающий судьбы жителей города.

МАРТИНА БРЖЕЗОВА, карманная воровка.

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА, она же – в детстве.

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА, ее сестра.

БАБУШКА Мартины и Эльжбеты.

ДОМИНИК КУЧЕРА, полицейский следователь по особо важным делам.

ТОМАШ ВОРЖИШЕК, помощник следователя.

РОДИОН МАРМЕЛАДОВ, русский сыщик.

ЛАДИСЛАВ МОРАВЕЦ, алхимик.

ЙИРЖИ, гончар.

ГУСТАВ, портье в гостинице.

ВИКТОРИЯ, любовница графа Гурьева.

ПАВОЛ, случайный знакомый Эльжбеты.

Действие первое

Сцена первая

Большой зал пражской ратуши. Торжественная музыка, шуршание одежд и нервное покашливание.

ГОЛОС ПРАГИ (*официально*). Так, вот и вы, панове. Подходите ближе, не робейте. Не вас же судят. Присаживайтесь. Нет, не сюда. Это скамья для подсудимых. Когда-то ее сколотили из необструганных досок, чтобы занозы безжалостно впивались под кожу и не позволяли преступникам расслабиться даже на мгновение. Кто на ней только не ерзал, знали бы вы... Но за тысячу лет столько людей предстало перед нашим судом, что скамья уже отполирована, будто зеркало. Однажды и вас приволокут сюда в колодках, тогда полюбуетесь на свое отражение. Пока же занимайте кресла присяжных заседателей.

Чего же вы топчетесь на месте? А, вас тревожит вопрос: с какой стати? Почему из миллионов ныне живущих выбрали именно вас? Это не секрет, панове. Потому что вы любите страшные сказки. Те самые, которые рассказывают жутким шепотом, глядя на полную луну. Те самые, от которых перехватывает дыхание и кровь стынет в жилах, а кожа по-

крывается невидимой ледяной коркой. Те, что возвращаются снова и снова в ночных кошмарах. Вы слышали подобные сказки много раз, но сегодня вас ждет нечто особенное. Эта история – не сон и не бред, все произошло наяву, что, собственно, я и берусь доказать.

Наш первый свидетель – Мартина Бржезова. Карманная воровка. Ну-ну, дитя, не смущайся. Это ведь в прошлом, верно?

МАРТИНА (*тихо*). Верно.

ГОЛОС ПРАГИ (*резко*). Говори громче, чтобы все слышали!

МАРТИНА (*громко*). Это в прошлом.

ГОЛОС ПРАГИ (*снова официально*). Чудесно. Мы как раз хотим ненадолго вернуться в прошлое. Скажи, дитя, когда началась эта история?

МАРТИНА (*рапортует*). 17 июля 1883 года.

ГОЛОС ПРАГИ (*перебивает*). Я спрашиваю не про убийство. Когда ты впервые услышала про Голема?

МАРТИНА (*задумчиво и робко*). Я не помню точной да-

ты. Примерно лет за десять до этого. Я тогда была еще совсем маленькой...

ГОЛОС ПРАГИ (*с нажимом*). Но сам момент ты помнишь отчетливо?

МАРТИНА (*испуганно*). Помню, как будто это было вчера.

ГОЛОС ПРАГИ (*все так же официально*). Скажи, дитя, ты тогда испугалась?

МАРТИНА (*шепотом*). Очень.

Сцена вторая

Небольшая спальня. На кровати спит БАБУШКА. На другой кровати МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА и МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА. В комнате темно и тихо.

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА (*жалобно*). Бабушка...

БАБУШКА (*всхрапывая, сквозь сон*). А?

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА (*тормошит ее, еще более жалобно*). Бабушка, ну проснись.

БАБУШКА (*просыпаясь*). О, Гос-споди... Чего тебе, Мартинка?

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА (*шепотом*). А правду говорят, что он опять приходил?

БАБУШКА (*не понимая*). Кто приходил?

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА (*страшным шепотом*). Голем.

БАБУШКА (*удивленно*). Это кто же такое говорит, внученька?

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА (*мстительно*). Эльжбета говорит.

БАБУШКА (*сердито*). Элишка, ну-ка поди сюда!

Нет ответа.

БАБУШКА (*еще более сердито*). Не притворяйся, егоза. Я же слышу, что ты не спишь. Подойди ко мне.

Слышно, как шлепают по полу босые ноги.

БАБУШКА (*уже спокойнее*). Ты зачем сестренку пугаешь?

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА (*сердито*). Ничего я не пугаю. Чистая правда! Голем приходил вчера на Анненскую улицу и убил мясника.

БАБУШКА (*удивленно*). Да с чего ты взяла?

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА (*уже менее сердито*). Франтишек божился, что сам видел, как труп выносили из мясной лавки.

БАБУШКА (*вспоминая*). Это какой Франтишек? Сын кривой повитухи?

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА (*с вызовом*). Он самый.

БАБУШКА (*возмущенно*). Весь в мать! Та тоже шастает по округе, собирает сплетни, а если нечего сказать, выдумывает небылицы. Мясник наш, пане Игнац, три дня пил без продыху, вот сердце у него и не выдержало. Но злые языки наплетут всякого...

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА (*упрямо*). А откуда у покойника глина во рту? Я сама слышала, как полицейские под нашими окнами шушукались. Один говорит: «И ноздри, и горло забиты, будто кто положил огромную глиняную ладонь на лицо мясника, и так держал, пока пане Игнац не задохнулся».

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА (*испуганно*). Ой, страсти какие! Бабушка, можно я свечу зажгу?

БАБУШКА (*ворчливо*). Ишь чего удумала, свечи зря переводить.

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА (*не слушая*). А другой полицейский отвечает: «И как же нам теперь убийцу искать?»

Шлюхина ляжка!»

БАБУШКА (*возмущенно*). Замолчи, Элишка! Негоже такие слова повторять. Вот я тебе язык мыльным корнем на-
тру, чтоб на всю жизнь запомнила... Спите уже, непоседы!

*На короткое время воцаряется тишина. Слышно, как во-
рочается бабушка, как сопят девочки.*

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА (*робко*). Бабушка...

БАБУШКА (*сердито*). Чего тебе?

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА (*замирая от ужаса*). А этот
Голем... Он очень страшный?

БАБУШКА (*зевая*). Не знаю, деточка. Я сама не видела.

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА (*упрямо*). А я видела!.

БАБУШКА (*умиротворенно*). Спи уже, выдумщица.

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА (*толкая сестру в бок*). Бре-
ховка она, а не выдумщица.

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА (*запальчиво*). Видела, ви-

дела! Все говорят, что Голем – великан, а он просто высокий. Но сапожник из Кислого переулка всяко повыше будет. Сапожник может к нам в это окно заглянуть, хоть мы и на втором этаже. А Голем даже до подоконника макушкой не дотянулся.

БАБУШКА *(снова ничего не понимая)*. До какого подоконника? До нашего? Что ты говоришь, Элишка? Когда ты Голема видела?

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА *(хвастливо)*. Вчера ночью. Я проснулась оттого, что луна светит. Она же всегда в полнолуние над рекой висит, и прямо в мой угол лучами бьет. Вылезла я из кровати, чтобы задернуть занавеску, и в щелочку посмотрела. А по улице как раз Голем проходил.

БАБУШКА *(с любопытством)*. Да ну? И что же ты увидела?

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА *(горделиво)*. Спину увидела, и огромную голову. Шел Голем посередине улицы, расставив руки в стороны. Пальцы у него такие длинные, что доставали до стен домов слева и справа, а с ладоней стекала влажная глина. Если бы кто из прохожих попался навстречу, то не сумел бы проскользнуть мимо. Заграбастал бы его Голем. Даже тебя, Мартинка, хоть ты и юркая, он бы вмиг при-

хлопнул.

БАБУШКА (*сердито*). Элишка! Перестань уже сестру пугать. Не заснет ведь... (*потом снова с любопытством*) И куда, говоришь, Голем шел?

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА (*передразнивает*). Куда, куда... Известно куда! В лавку мясника на углу. Наутро оттуда вынесли покойника. Франтишек так говорит, а он зря болтать не станет.

БАБУШКА (*сердито*). Тьфу ты! Снова-здорово. Задам я тебе! И Франтишеку твоему достанется. Спите уже.

Тишина, слышен скрип половиц.

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА (*шепотом*). Бабушка, можно я с тобой лягу?

БАБУШКА (*сочувственно*). Деточка, да ты вся дрожишь! Зубы стучат, ноги ледяные... (*строго, к Эльжбете*) Довольна, пакостница?

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА (*с вызовом*). Подумаешь! Эта трясогузка от любого шороха в обморок падает.

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА (*испуганно*). А вдруг, пока я сплю, Голем придет и меня задушит?

БАБУШКА (*успокаивает*). Не бойся, Мартинка, Голем хоть и чудовище, а малышей не обижает. Да и взрослых тоже не душит без разбору. Только тех, кто грешил да много зла людям сделал.

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА (*уже сонным голосом*). Разве пане Игнац был злой?

БАБУШКА (*удивленно*). С чего ты взяла?

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА (*зевая*). Так ведь его Голем убил.

БАБУШКА (*убаюкивая*). Ну-ну-ну, нашла, кого слушать. Пане Игнац просто умер.

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА (*сонно*). А я умру?

БАБУШКА (*продолжая убаюкивать*). Умрешь, внученька. Конечно, умрешь. И я умру, и Элишка. Все умрут. А ты спи, спи... Ты вот какую заповедь запомни, Мартинка: не грехи больше других. Тогда и спать спокойно по ночам будешь.

В тишине слышно, как тикают часы.

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА (*пугающим шепотом*). Голем прячется в тених, ловит он ночных гуляк...

МАЛЕНЬКАЯ МАРТИНА (*хнычет*). Бабушка, скажи ей...

БАБУШКА (*сердито*). Элишка, ну-ка быстро спать!

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА (*пугающим шепотом*). Если встретишь исполина, то умрешь под слоем глины...

БАБУШКА (*сердито*). Еще хоть слово услышу, запру в чулане до утра!

МАЛЕНЬКАЯ ЭЛЬЖБЕТА (*из-под одеяла, пугающим шепотом*). Полночь часики пробьют, и Мартиночку убьют...

Сцена третья

Та же комната десять лет спустя. На кровати бабушки лежит мертвая Эльжбета. МАРТИНА сидит рядом и держит покойницу за руку.

МАРТИНА (*задумчиво*). А десять лет спустя все наоборот вышло. Голем мне так и не встретился, а до Эльжбеты добрался... Зря мы не послушали сестру в ту страшную ночь. Надо было уехать из этого ветхого дома туда, где не водятся никаких чудовищ. Не знаю, есть ли такие места в мире? Должны быть. Не везде же человеку так паскудно живется и так страшно умирается, как в Праге...

С улицы доносится голос следователя КУЧЕРЫ.

КУЧЕРА (*вдалеке*). Скажите, панове, где тут прачку задушили? Сюда, говорите? Благодарствую!

МАРТИНА (*подбегая к окну*). Полицейские. Один уже пожилой и до того худющий, что кажется, сейчас ветер дунет, он согнется, будто ковыль на лугу. Хотя нет, такой не согнется. Вон как нос задирает... Я, скорее поверю, что он этим своим острым носом проткнет ни в чем не повинное облако, как шпиль собора святого Вита... Второй пониже ростом. Молодой, мордатый, уши оттопыренные. Подобных

глупарей я навидалась. Сколько раз мне на рынке руки выкручивали, да только я всегда успевала от добычи избавиться. Ни разу меня полиция не сцапала! Но сегодня, сестренка, они по твою душу пожаловали.

Возвращается к кровати, где лежит тело Эльжбеты.

Хотя им душа без надобности, тело будут разглядывать да ощупывать. Ох, Эльжбета... Живая ты даже перед доктором стеснялась раздеться, а сейчас ведь и не спросят. Сдернут простыню, равнодушно перевернут на живот, потом опять на спину. Запишут в протокол, что шея твоя свернута на бок, и даже не восхитятся, какая у тебя кожа нежная, беленькая, без единого пятнышка. А волосы! Я ведь всегда завидовала пышным локонам. Свои-то куцые космы под чепец прячу, а у тебя вон какая грива! И пальчики...

Берет руку мертвой сестры, подносит к губам и целует пальцы по очереди.

Тонкие, легкие... И как они не загрубели от постоянной возни с чужим бельем?! Могла бы чистить карманы, как я. Уверена, у тебя бы даже лучше получалось.

Стук в дверь.

МАРТИНА *(со вздохом)*. Ненавижу полицию, но придется открывать.

Скрип двери. Входят КУЧЕРА и ВОРЖИШЕК.

КУЧЕРА (*ворчливо*). В вашем чертовом закоулке нарочно номера на домах не вешают? Пока разберешь, где какой адрес, уж и сапоги стопчешь...

Оглядывает комнату.

Ладно, к делу. Сообщите имя и возраст убитой.

МАРТИНА (*рапортует*). Эльжбета Бржезова, семнадцать лет.

КУЧЕРА (*так же ворчливо*). Кем приходиться покойнице?

МАРТИНА (*спокойно*). Я ее сестра, Мартина.

КУЧЕРА (*задумчиво с чуть заметным интересом*). Мартина, Мартина... Погодите! Мартина Бржезова? Не та ли воровка, что промышляет на Вацлаваке и Йиндржишской улице?

МАРТИНА (*с усмешкой*). Пражский закон гласит: не пойман – не вор. Так что придержите коней, пане полицейский. Вы здесь для того, чтобы искать убийцу.

КУЧЕРА (*снова ворчливо*). Смотри-ка, мудра не по годам. Сколько лет сравнялось?

МАРТИНА (*насторожено*). Зачем это вам?

КУЧЕРА (*с ухмылкой*). Для протокола.

МАРТИНА (*с ухмылкой*). Для протокола – шестнадцать.

КУЧЕРА (*с ухмылкой*). А на самом деле? Четырнадцать?

МАРТИНА (*с ухмылкой*). С половиной!

ВОРЖИШЕК (*глумливо*). По виду и не скажешь. Выглядишь совсем как взрослая, вон уже и титьки налились!

КУЧЕРА (*сердито*). Не встречай, Томаш! Твое дело записывать все, что сказано, а говорить буду я.

ВОРЖИШЕК (*смущенно*). Простите, пане Доминик. Больше не повторится!

КУЧЕРА (*все еще сердито*). Вот и хорошо. А ты чего молчишь, непойманная? Дерзить расхотелось? Яснее ясного, что иных родственников, кроме покойной, у тебя не осталось. Никто не рыдает на лестнице, не судачит с соседками под окном. Значит, я могу определить тебя в сиротский приют, где живется совсем не сладко. Боишься?

МАРТИНА (*с вызовом*). Я все равно сбегу оттуда.

КУЧЕРА (*с вызовом*). Сбежишь, а мы поймаем. Не получится за воровство прищучить, запрем в холодной за бродяжничество. Или еще что придумаем. Ты, девка, с полицией не шути! Эти шутки плохо заканчиваются, уразумела?

Пауза. МАРТИНА молчит. КУЧЕРА пристально смотрит на нее.

КУЧЕРА (*спокойно*). Ну, вижу, что уразумела. Займемся осмотром места преступления. Томаш, подай футляр с моими очками.

Надевает очки, подходит к кровати, осматривает тело Эльжбеты.

Записывай! (*далее скучным канцелярским голосом*) Шея в неестественном положении, но синяков и других отметин не наблюдается. Как же ее свернули? А-а-а, кажется, понимаю. Убитая... Как бишь ее?

ВОРЖИШЕК и **МАРТИНА** (*одновременно*). Эльжбета Бржезова.

КУЧЕРА (*все тем же скучным канцелярским голосом*). Эльжбета, значит... Сидела на кровати, по всей видимости,

спиной к открытому окну. Расчесывала волосы... Видишь, под кроватью валяется гребешок? Она услышала, что кто-то лезет в дом, обернулась. Тут убийца и набросился. Одной рукой схватил за затылок, а другой... Другой рукой сунул ей в рот комок глины и давил на подбородок, пока девица не сглотнула. Томаш, запиши в протоколе, что на щеках покойницы остались характерные отметины от ногтей убийцы. Потом... Глина залепила все горло, не давая вдохнуть и тогда... Тогда злодей заткнул ноздри жертвы еще одним комком глины... Прачка вырывалась, но он держал крепко, пока совсем не задохлась.

ВОРЖИШЕК (*осторожно*). Вы сказали – он?

КУЧЕРА (*все тем же скучным канцелярским голосом*). Он. Убийца – мужчина.

ВОРЖИШЕК (*еще осторожнее*). Откуда такая уверенность, пане Доминик?

КУЧЕРА (*чуть раздражаясь*). Разве непонятно? У женщины просто не хватит сил удерживать такую кобылицу достаточно долго. Ее душили минут семь или восемь, неужели ты думаешь, что жертва не брыкалась? Следов борьбы почти нет, а они бы остались, будь убийца менее сильным. И мы бы заметили эти следы, ведь покойница абсолютно голая. Это

ты раздела сестру, Мартина?

МАРТИНА (*вздвoгнув от неожиданности*). Нет, я ничего здесь не трогала. Когда зашла в комнату и увидела... Сразу послала за полицией.

КУЧЕРА (*пытливо*). Может быть, она предпочитала спать без ночной рубашки?

МАРТИНА (*качая головой*). Никогда не ложилась. Нас с детства бабушка приучила, что спать голышом – грех.

КУЧЕРА (*удовлетворенно*). Я так и подумал. Значит, сама разделась... (*Задумчиво*). Но тогда... Все было не так, как я описал! (*Осененный внезапной догадкой*). Все было еще интереснее! (*Возбужденно тараторит*). Зачеркни, Томаш, зачеркни все, а лучше открой новую страницу и пиши. Эльжбета пригласила некоего мужчину, потому заранее разделась. Стала бы она раздеваться перед женщиной? Волосы расчесывала, чтобы понравиться своему гостю, и смотрела в окно. Услышала, как открывается дверь – ты помнишь, здесь петли несмазанные, мы вошли – заскрипели. Обернулась. Тут он и набросился. Есть подозрения, кто мог желать ей смерти?

МАРТИНА (*уверенно*). Никто. Эльжбету все любили.

КУЧЕРА (*подозрительно*). Судя по тому, что ее задушили – не все... А ты где была во время убийства?

МАРТИНА (*спокойно*). Возле ратуши. Я как раз услышала, что орлой звонит и...

КУЧЕРА (*еще более подозрительно*). Откуда тебе известно, в какое время ее убили? А? Твоих рук дело? (*хватает девушку за плечо и тащит к дверям*) Отвечай, или я тебя на неделю запру, без хлеба и воды!

МАРТИНА (*отбиваясь от него*). Да вы из ума выжили! Чтоб я на родную сестру руку подняла?! Мы и в детстве не дрались, даже когда она дразнилась... Пустите! (*кусает его руку*)

КУЧЕРА (*кричит*). Ах ты тварь! (*слышен звук затрепачки*) До крови прокусила... Томаш, запиши в протокол, что подозреваемая оказала сопротивление при задержании и нанесла увечья следователю по особо важным делам... (*к Мартине*) Запираешься? Твое право. Но если повинишься, суд учтет и приговор будет помягче.

МАРТИНА (*всхлипывая*). Меня всю ночь не было дома. Есть свидетели, которые подтвердят.

КУЧЕРА (*с сарказмом*). Это кто же? Банда рыночных воров – Косой, Хромой и Немой? Эти подтвердят, да кто же им поверит.

ВОРЖИШЕК (*смеясь*). Особенно Немому... Пане Доминик, а как же Немой подтвердит? Он же говорить не может.

КУЧЕРА (*раздраженно*). Ох, тупица... Он же немой, а не глухой. Услышит вопрос, кивнет. На воровку пальцем укажет. А может он и писать умеет. А может и тебе лучше писать протокол да помалкивать в тряпочку?

ВОРЖИШЕК (*откашливаясь*). Простите, пане.

КУЧЕРА (*еще более раздраженно*). Да заткнись ты уже! (*к Мартине*) Так кто, говоришь, твои свидетели?

МАРТИНА (*все еще всхлипывая*). Личная стража барона Шленчеха. Я его обчистила, когда этот пузан из кареты выкатывался. Стражники за мной погнались, поймали у старой ратуши. Обыскали, а кошелек нет. Грозились избить, но тут полицейские подоспели на шум. Стражники говорят: «Воровку поймали». Я отнекиваюсь: «Напраслину возводят, просто мимо шла». Дальше как обычно, забрали меня в ку-

тузку на Конюшенной улице. Продержали всю ночь, поутру учинили допрос. Отпустили только в десять. Я сразу сюда, а тут...

КУЧЕРА (*с сомнением*). Это легко проверить. Ладно, допустим. Но если ты не убивала, то откуда знаешь точное время?

МАРТИНА (*с вызовом*). Потому что знаю, кто убил Эльжбету.

КУЧЕРА (*раздраженно*). А чего же тогда молчишь? Говори, кто убил.

МАРТИНА (*понизив голос*). Голем.

ВОРЖИШЕК (*обескураженно*). Кто-кто? Я не расслышал.

МАРТИНА (*громко с вызовом*). Голем ее убил!

КУЧЕРА (*гневно*). Дуришь нас, убийцу покрываешь. С кем твоя сестра ночь провела?

МАРТИНА (*кричит*). Никого тут не было!

КУЧЕРА *(не слушая)*. Сказками отбрехаться хочешь? А вот не сходится у тебя, девка. Совсем не сходится!

ВОРЖИШЕК *(перелистывая страницы)*. Почему же? Все сходится. Глина в горле, глина в ноздрах. Ведь так и душил чудовище.

КУЧЕРА *(в бешенстве)*. Томаш, еще раз откроешь рот не по делу – клянусь, я тебя сам придушу! Голем не стал бы раздевать девицу. Он просто убивает и уходит. Здесь был человек, который хочет свалить свое злодеяние на глиняного великана.

МАРТИНА *(удивленно)*. Но зачем?

ВОРЖИШЕК *(иронично)*. Вот ты дуреха! Да чтобы не искали. Свалил на Голема, а сам живет, в ус не дуется... Простите, пане Доминик, но я вроде по делу в этот раз. Надо бы проверить, может убийца деньги украл?

КУЧЕРА *(задумчиво)*. Может быть, может быть... Где Эльжбета хранила сбережения?

МАРТИНА *(спокойно)*. В сундучке, под кроватью.

КУЧЕРА *(с ухмылкой)*. Такая наивная? Жила с воровкой

и не боялась деньги оставлять. Что ж, проверь, Томаш.

ВОРЖИШЕК *вытаскивает сундук, с грохотом откидывает крышку.*

ВОРЖИШЕК *(присвистывая).* Ничего себе! Хорошо жила прачка. Здесь же куча золота.

КУЧЕРА *(с интересом).* Золото? Подсчитай и запиши в протокол. Разберемся потом, может это младшенькая наворовала, да в сундуке у сестры спрятала. А может, убитая продавала свое тело всем желающим, а один из клиентов ее и придушил.

МАРТИНА *(оскорбленно).* Не смейте говорить такого! Моя сестра – порядочная девушка, она берегла себя для будущего мужа. А платили ей много потому, что стирала батист и шелк очень аккуратно. Богатые дамы это ценят.

КУЧЕРА *(недоверчиво).* И платят золотом за стирку? Когда сотни других прачек прополошут, отожмут и накрахмалят за медяк?

МАРТИНА *(втолковывает как непонятливым детям).* Золотом они платили за то, что Эльжбета умела держать язык за зубами. Не болтала на улицах, как иные сплетницы,

про то, какие именно пятна отстирывала с простыней и сорочек почтенных дам.

ВОРЖИШЕК (*в сторону*). Так может, Голем ее и придушил за то, что покрывала прелюбодеек?

МАРТИНА (*гневно*). Чего же он сперва самих прелюбодеек не поубивал? Нет уж, панове, если вы и дальше хотите злословить про мою сестру, то хотя бы не делайте этого здесь. Проявите уважение к покойнице! Выходите на улицу, там найдется много желающих почесать языки. Но даже самые отчаянные клеветники не обвинят Эльжбету в позорных грехах. Вот и вы не смейте!

Сцена четвертая

Ратушная площадь Праги. МАРТИНА идет неторопливо, ее каблук стучат по булыжникам и каменным плитам, которыми вымощена площадь.

МАРТИНА *(рассказывает)*. Полицейские обыскали наш дом, впрочем, не особо старательно. Не подняли половицы, по стенам толком не постучали, а потому три моих тайника с награбленным добром остались нетронутыми. Спровела я тощего и мордатого вскоре после трех – как раз пане Ктибор возвращался с рынка, громяхая бидонами. По нашему молочнику можно часы сверять. Жена у него больно строгая, знает наверное, что молоко пражане покупают до полудня, пока не скисло. Немцы, те могут и до двух, но уж после – никто не подойдет. Потому все нераспроданное просто выливается в сточную канаву. И если муженек не вернулся вовремя, пани Собеслава начинает подозревать, что он пьет пиво в господарне. Готовит колотушку, чтоб встречать охальника тумакми...

Полицейские больше не позволяли себе грязных намеков, но их слова заронили в мою душу сомнения. А вдруг у Эльжбеты и вправду был тайный воздыхатель? Он добивался... Ну, вы и сами знаете, чего эти мерзавцы обычно добиваются. Только сестра все равно не согласилась бы. Она все уши прожужжала: «Не поддавайся на уговоры, Мартинка! Береги

себя до свадьбы!» Будто меня кто-то уговаривает. Это она красоткой была, а я серая мышь. Ну, так мне оно и выгоднее – юркнула туда, шмыгнула сюда, хвостиком махнула и кошелечек долой.

Могла ли Эльжбета хитрить? Могла, конечно. Чем она лучше меня? А я про свои делишки сестре не рассказывала. Если прав старый следователь, и Голем тут ни при чем, то убийство совершил человек. И я найду эту сволочь, пусть даже придется перетрясти весь город, как колоду карт!

Три часа я расспрашивала всех наших соседок, лавочников с окрестных улиц, прачек в полоскальне, даже старую сводницу из притона на Целетной улице – никто и словом не обмолвился, что знает, с кем закрутила Эльжбета. Когда я уже совсем отчаялась, появился босоногий мальчишка лет десяти. Спрыгнул с дерева на дорогу, прямо передо мной, встал подбоченься, словно статуя на Карловом мосту.

ПАВОЛ (*с прищуром*). Ты, что ли, про Элишку допытываешься?

МАРТИНА (*тоже с прищуром*). А ты с чего это взрослую панночку Элишкой называешь?

ПАВОЛ (*важно*). Мне-то можно! Дружили мы.

МАРТИНА (*презрительно*). Не маловат, дружить-то?

Небось, таскался за ней на речку, да подглядывал из кустов, как белье полощет. Стоило Эльжбете юбку подоткнуть, чтоб подол не замочить, а ты на ее стройные ножки таращился. Так что ли, озорник?

ПАВОЛ (*шмыгая носом*). Ну, чего ты! Чего взбеленилась? Я ж наоборот всегда, как завижу Элишку издали, прогонял ватагу, что на прачек пялится, а на обратной дороге помогал корзину донести до дома. А теперь все говорят, ее Голем убил...

МАРТИНА (*грустно*). Убил, это точно. А Голем или нет, я как раз выясняю. Тебя самого как звать-то?

ПАВОЛ (*шмыгая носом*). Павол.

МАРТИНА (*осторожно*). Скажи, Павол... Раз ты часто с Эльжбетой на речку ходил, да потом в городе встречал... Может заметил рядом с ней кого? Повзрослей тебя?

ПАВОЛ (*обиженно*). Скажешь тоже! Не было у Элишки никого другого. Только со мной везде ходила!

МАРТИНА (*притворно вздыхая*). Жаль, я думала, хоть от тебя польза будет, а ты, как и все, не знаешь ничего.

ПАВОЛ (*загадочно*). Да как сказать... Монетку дашь, может, и покажу тебе кой-чего важное.

МАРТИНА (*фыркающая*). Шустрый какой. Монетку! Сперва покажи, что там у тебя.

ПАВОЛ (*растягивая слова*). Не-е-ет, сперва денег дай.

МАРТИНА (*с показной строгостью*). Не стыдно на смерти подруги наживаться?

ПАВОЛ (*дерзко*). Ты меня не совести. Если бы это могло Элишку вернуть, я бы за так отдал. А раз уже не веротишь... Хоть хлеба с медом куплю, да помяну ее по-человечески.

МАРТИНА (*позвякивая монетами*). Уговорил. Вот тебе три геллера, хватит? Что там у тебя?

ПАВОЛ (*доставая из кармана*). Пузырек из синего стекла.

МАРТИНА (*с интересом*). И с чем он?

МАЛЬЧИК (*шмыгая носом*). Пустой.

МАРТИНА (*возмущенно*). На кой мне сдался пустой пузырек? Верни деньги, обманщик!

ПАВОЛ (*хитро улыбаясь*). Ты погоди, дослушай. В том пузырьке вроде лекарство было. Его Элишка третьего дня в реку вылила. Пузырек этот хотела туда же зашвырнуть. Но я уговорил мне отдать, уж больно красивый. Тут и картинка есть, прям на стекле выбитая. Очень заковыристая картинка, я через нее на солнце смотрел и все гадал, что же она означает. Ты посмотри, может, и узнаешь чего...

МАРТИНА (*рассказывает*). Картинка и впрямь впечатляла – пять орлов разлетаются полукругом, над ними чаша, а еще выше то ли солнце, то ли звезда о семи лучах. Долго разглядывала ее, все пыталась поймать ускользающее ощущение. Я ведь уже встречала такой рисунок. Но где? Вспомнить бы... Проходя по Староместной площади, я решила довериться судьбе – свернула в первый попавшийся проулок, потом за домом с белыми львами, пошла наугад. Прага сама подскажет, куда мне нужно. Приведет к нужной двери. Через час бесцельных блужданий набрела на незнакомый тупик, хотя казалось, что я все закоулки с детства исходила. Прошла до конца и уперлась в стену покосившегося домика. Обошла по кругу, глянула на него спереди – и ахнула. Вывеска потемнела от времени, но все же я увидела и орлов, и чашу со звездой. Точно! Здесь же алхимик живет, пане Ла-

дислав из Моравии. Десять лет назад я на этих орлов прибегала любоваться чуть не каждый день, тогда вывеска сверкала и искрилась. Было в ней что-то по-настоящему волшебное, казалось, что птицы вправду машут крыльями, а лучи звезды загорались всеми цветами радуги...

Но с тех пор многое переменялось. Дом покрылся копотью и черной плесенью, окна заросли жирной грязью. Сам алхимик, и в прежние годы не слывший образцом дружелюбия, стал желчным и озлобленным старикашкой. К нему и днем-то немногие отважатся зайти с расспросами, а уж сейчас, в сумерках, никто не сунется и подавно. Я вспомнила любимую бабушкину присказку: «Что ни моравец, то мерзавец. Держись от них подальше, деточка!» Заробела идти в одиночку. Хоть и претит мне эта затея, но придется сбегать за полицейскими.

МАРТИНА приходит в полицейский участок, за столом сидит ВОРЖИШЕК.

ВОРЖИШЕК (*шелестя бумагами*). Алхимика? На допрос? Насмешила, стрекоза. Пане Доминик давно ушел домой, да и мне пора на боковую. Засиделся с этим треклятым протоколом...

МАРТИНА (*просительно*). Но мне очень надо! Да и вам тоже, если хотите найти настоящего убийцу моей сестры.

Этот пузырек алхимик дал Эльжбете. Смотрите, смотрите, тут клеймо его личное имеется.

ВОРЖИШЕК (*берет пузырек, принимает*). Хм-м, а пахнет приятно... Что за зелье тут было?

МАРТИНА (*нетерпеливо*). Самой не терпится узнать! Пане полицейский... Томаш, так?

ВОРЖИШЕК (*приосанившись*). Точно так. Томаш Воржишек, помощник следователя по особо важным делам.

МАРТИНА (*льстиво*). Пане Томаш, помогите. Допросите алхимика. Одной мне боязно идти, но с вами ничего не страшно. Вы такой храбрый и сильный.

ВОРЖИШЕК (*расплываясь в улыбке*). Все верно, таков я и есть.

МАРТИНА (*продолжая уговаривать*). Помогите! А если выяснится, что магик причастен к убийству, вас ведь из помощников сразу в следователи переведут.

ВОРЖИШЕК (*задумчиво*). Переведут? Не факт, голубица. В пражской полиции самые высокие посты доверяют лишь тем, кто родился в этом городе. Свои надежнее, счита-

ет начальство. А я приехал из Голешовице, потому на всю оставшуюся жизнь обречен подавать футлярчик с очками да записывать в протокол умные мысли пане Доминика Кучеры. Не видать мне ни чинов, ни наград, как своих ушей.

МАРТИНА (*не сдается*). Не знаю, как насчет чинов, а уж вознаградить вас я сумею.

ВОРЖИШЕК (*скабрезно*). Вознаградить, говоришь? Тебе же всего четырнадцать. Или ты уже того...

МАРТИНА (*сдерживая ярость*). Вы не о том думаете, пане Томаш. У меня есть деньги, вот, смотрите, двенадцать золотых! (*слышится звон монет*) Достойная награда за несколько вопросов, которые вы зададите алхимику?

ВОРЖИШЕК (*перекатывая монеты по столу*). Как-то это все... Не знаю. Это же нужно идти, будить почтенного человека, потом выдавливать из него ответы по капле.

МАРТИНА (*с ухмылкой*). Понимаю, на что вы намекаете, но это все деньги, что у меня есть. Хотите, заберите и те, что в сундучке сестры. Вы же принесли его сюда?

ВОРЖИШЕК (*все еще колеблется*). Принесли, описали и по окончании расследования, вернем законной наследнице

погибшей. Это что же, выходит, тебе и вернем? А ты мне их отдашь?

МАРТИНА (*кивает*). Отдам! До последней монетки.

ВОРЖИШЕК (*задумчиво*). Хм-м. А там ведь намного больше двенадцати золотых.

МАРТИНА (*с ухмылкой*). Намного больше, пане Томаш.

ВОРЖИШЕК (*встает и набрасывает на плечи плащ*). Ладно! Пойдем, подергаем твоего алхимика за бороду.

Действие второе

Сцена первая

Большой зал пражской ратуши. Шепот собравшихся, шорох одежды и бумаг.

ГОЛОС ПРАГИ (*официально*). Свидетельство Мартины Бржезовой принято. Далее мы заслушаем показания алхимика, пане Ладислава...

МОРАВЕЦ (*перебивая*). Я отказываюсь говорить.

ГОЛОС ПРАГИ (*с легким удивлением*). Отказываетесь? Разве вы можете отказаться?

МОРАВЕЦ (*горделиво*). Я не обязан держать ответ перед вами! Я родился в Моравии, пражская магия на меня не действует. Посему ни вы, ни целый легион призраков, не заставьте меня говорить.

ГОЛОС ПРАГИ (*с нажимом*). Мы умеем задавать вопросы настолько убедительно, что игнорировать их невозможно. Хотите, я призову из могилы ваших прежних сорат-

ников, и этот допрос продолжат они?

МОРАВЕЦ (*испуганно*). Нет, умоляю вас, не делайте этого. Не заставляйте меня заново переживать те страшные минуты...

ГОЛОС ПРАГИ (*с нажимом*). Вы будете говорить?

МОРАВЕЦ (*растерянно*). Я... Я не знаю...

МАРТИНА (*перебивая*). Позвольте, я расскажу. Пане Ладислав – человек пожилой, память может подвести его, а это совсем некстати. Я же могу представить вам полную картину того, что происходило вечером 17 июля 1883 года в доме магика.

МОРАВЕЦ (*шепотом*). Спасибо, Мартинка. Прости, что не уберег тебя от тяжелой доли...

ГОЛОС ПРАГИ (*официально*). Да будет так. Свидетельствуй, дитя.

Сцена вторая

Комната алхимика, большая, очень грязная и захламленная. МАРТИНА и ВОРЖИШЕК стоят на пороге, МОРАВЕЦ сидит за столом.

МАРТИНА (*рассказывает*). Все-таки хорошо, что пане Томаш отправился со мной. Явись я одна, алхимик, пожалуй, прибил бы меня прямо на пороге. Причем без всякой магии. Он беспрестанно сжимал огромные кулаки, сверкал глазами исподлюбья, а нечесаная борода топорщилась во все стороны, будто иголки ежиные. Нагнал страху, у меня аж колени задрожали. Но полицейского подобными фокусами не проймешь. То ли он и вправду храбрый, то ли мозгов не хватает, чтобы осознать, с какой грозной силой столкнулся. Вышел на середину комнаты, пальцем тычет... Но мне это только на руку: пока пане Ладислав будет его в жабу превращать, успею убежать подальше.

ВОРЖИШЕК (*обвиняющим тоном*). Каким образом вы причастны к убийству Эльжбеты Бржезовой?

МОРАВЕЦ (*удивленно*). Я? Причастен?

ВОРЖИШЕК (*самоуверенно*). Раз я говорю, что причастны, значит причастны!

МОРАВЕЦ (*ворчливо*). Раз вы в том уверены, тогда что же от меня хотите узнать?

ВОРЖИШЕК (*слегка запутавшись*). Я хочу узнать, каким образом...

МОРАВЕЦ (*с оттенком насмешки*). Что – каким образом?

ВОРЖИШЕК (*окончательно запутавшись*). Каким образом вы причастны к убийству Эльжбеты Бржезовой.

МОРАВЕЦ (*спокойно*). Не могу сказать, поскольку я ни к какому убийству не причастен.

ВОРЖИШЕК (*нервно сглатывает, оглядывается на Мартину*). Но пузырек...

МОРАВЕЦ (*недоуменно*). Какой пузырек?

ВОРЖИШЕК (*ставит флакон на стол*). Вот этот пузырек. Станете отрицать, что он ваш?

МОРАВЕЦ (*мрачно*). Кто вам сказал, что он мой?

ВОРЖИШЕК (*с ухмылкой*). На нем выбита картинка, которая точно повторяет вывеску на вашем доме.

МОРАВЕЦ (*мрачней еще больше*). Вывеска? Ну, так что, что вывеска? Я лишь один из пяти «Богемских орлов», в этом ордене состояли еще четверо алхимиков, и вывески у нас на домах висели одинаковые. Пузырек мог заказать любой из моих собратьев.

ВОРЖИШЕК (*ухмыляясь все шире*). «Богемские орлы» давно не летают. Вы последний из общества магигов, потому с вас и спрос.

МОРАВЕЦ молчит. ВОРЖИШЕК достает блокнот и шеплет страницами в поисках чистой.

ВОРЖИШЕК (*официально*). Представьтесь для протокола.

МОРАВЕЦ (*отстраненно*). Ладислав Моравец.

ВОРЖИШЕК (*официально*). Ваш возраст?

МОРАВЕЦ (*отстраненно*). Не помню.

ВОРЖИШЕК (*удивленно*). Разве можно забыть, когда

вы родились?

МОРАВЕЦ (*шепотом*). Забыть бы все, что случилось после моего рождения... Но, к сожалению, не получается... (*бодро*) Так вас интересует, мой ли это пузырек? Да. Но я продал десять тысяч таких пузырьков жителям Праги, и поэтому затрудняюсь сказать, кому именно достался этот.

ВОРЖИШЕК (*с нажимом*). Так я же вам сказал, кому он достался. Эльжете Бржезовой.

МОРАВЕЦ (*настороженно*). Вы нашли пузырек в руке у покойницы?

ВОРЖИШЕК (*нервно*). Нет, но...

МОРАВЕЦ (*перебивая его*). Тогда не спешите утверждать! Видели вы, как девица пила из него?

ВОРЖИШЕК (*нервно*). Нет, но...

МОРАВЕЦ (*с улыбкой триумфатора*). А раз так, то я, в который уж раз, официально заявляю, что не имею никакого отношения к убийству Эльжбеты Бржезовой.

МАРТИНА (*рассказывает*). Вот и вся польза от пусто-

мели в мундире. Нет, пане Томаш, полицейское начальство отказывается повышать вас вовсе не потому, что вы приехали из Голешовице. Причина в том, что вы непроходимый тупица. Это же надо, потратить столько времени и не спросить главного! Пришлось мне вмешаться в беседу, хотя жуть как не хотелось злить алхимика.

Складывает руки лодочкой и просительно обращается к Моравцу.

Пане Ладислав, а что было в пузырьке?

МОРАВЕЦ (*хмуро*). Не знаю, ведь теперь там ничего нет. Останься внутри хоть капля, можно было бы догадаться, по цвету или вязкости, а так...

МАРТИНА (*вежливо, но настойчиво*). Остался характерный запах, его еще можно почувствовать.

МОРАВЕЦ (*осторожно*). Думаете, это разумная затея – вдыхать запах неизвестного магического зелья?

МАРТИНА (*насмешливо*). Я нюхала этот пузырек, пане полицейский тоже, потом еще маленький бродяжка – все живы. И вы вдохните, не бойтесь.

МОРАВЕЦ (*раздраженно*). Мне бояться собственных эликсиров? Пф-ф-ф! Вы что же думаете, я и вправду тор-

гую чем-то смертельно опасным? Здесь была настойка для укрепления здоровья, и если вы продолжите утверждать, что Эльжбета умерла после того, как выпила ее...

МАРТИНА (*перебивая его*). Нет, Эльжбета вылила ваше зелье в реку три дня назад.

МОРАВЕЦ (*радостно*). Хвала создателю!

МАРТИНА (*не слушая*). А умерла она по другой причине. Минувшей ночью ее задушил Голем.

ВОРЖИШЕК (*возмущенно*). Зачем вы сказали? Нельзя раскрывать подробностей преступления, пока преступник не пойман.

МАРТИНА (*отмахиваясь от него*). На улице с утра обсуждают убийство моей сестры, обсасывают во всех подробностях, а уж домыслами эта история обросла такими, что правды не разглядеть. (*к Моравцу*). Вы-то сами магик, пане Ладислав, так скажите – мог ли Голем, который приходит лишь к самым отпетым грешникам, задушить мою беспорочную сестру?

МОРАВЕЦ (*пытаясь собраться с мыслями*). Грешники? При чем тут грешники? Голему плевать на наши грехи,

все это бабкины сказки. Великан из глины появился не просто так. Его создали, чтобы служил и выполнял любые приказы своего хозяина. Того, кто вложил в пустую голову записку с магическими письменами. Голем – слепое орудие, он убивает по указке своего повелителя.

ВОРЖИШЕК (*шеlestя страницами*). Позвольте, позвольте... В каком это смысле, слепое орудие?

МОРАВЕЦ (*снисходительно*). В самом прямом. У Голема нет глаз. Таким его создали изначально.

МАРТИНА (*испуганно*). Как же он находит нужных людей?

МОРАВЕЦ (*пугающим шепотом*). Принюхивается. Чуть Голема в тысячу раз лучше собачьего, поэтому он и может отыскать любого человека в таком гнилом и вонючем клоповнике, как Прага. Но для этого хозяин должен дать ему понюхать что-то из личных вещей намеченной жертвы.

ВОРЖИШЕК (*с ухмылкой*). Вы что же, верите в это?

МОРАВЕЦ (*резко*). А вы разве нет?

ВОРЖИШЕК (*продолжая ухмыляться*). Я же не дев-

чонка впечатлительная. Смотрите, как Мартина побледнела, не ровен час, в обморок брякнется. А мы в полиции мыслим рационально. Пражане, все наперебой, ахают: Голем убивает грешников уже много сотен лет. Почему же его никто не видел? Как может великан из глины спрятаться на ваших узких улочках? Как он может пройти незамеченным по этой гулкой мостовой? И это в ночной тишине, когда на всю округу слышно даже, как случайный прохожий нужду справляет. А Голем – он же гигантского роста, и топотать должен похлеще конного парада!

МОРАВЕЦ (*снисходительно*). Меня не удивляет, что полиция мыслит рационально. Меня удивляет, что полиция вообще умеет мыслить! Даже малые дети в Праге знают, что Голем не ходит по улицам. Он сделан из глины и потому является частью самого города. Голем может наступить на плиты Вацлавской площади, а через секунду появиться на окраине, вынырнув из мостовой, будто из реки. А может выйти из стены за вашей спиной, она ведь тоже глиняная.

ВОРЖИШЕК в ужасе оборачивается, роняя блокнот.

МОРАВЕЦ (*лукаво*). Видите, теперь и вы испугались, рациональный пане полицейский.

ВОРЖИШЕК (*нервно*). Чтоб вас черти в аду жарили за

такие шуточки...

МАРТИНА (*спокойно*). Пане Ладислав, вы так и не сказали, зачем к вам приходила Эльжбета.

МОРАВЕЦ (*сердито*). И не скажу, это дело личное!

ВОРЖИШЕК (*снова скабрёзно*). А я, кажется, догадался. Вы с ней, что ли...

МОРАВЕЦ (*еще более сердито*). Замолчи, юнец! Я посвятил себя алхимии, всего, без остатка! (*сдерживаясь*). Если вам так хочется рациональных объяснений, то извольте. Эльжбета стирала мое белье, а я вместо оплаты готовил ей микстуру для укрепления здоровья. А теперь, с вашего соизволения, пане полицейский, я хотел бы лечь спать. Время позднее. Так что или арестуйте меня, или убирайтесь прочь.

МАРТИНА и ВОРЖИШЕК уходят. Звуки ночного города.

МАРТИНА (*рассказывает*). Мы и ушли. Спотыкались в темном закоулке, пока впереди не показалась площадь, где горели фонари. И тут меня осенило! Я ведь вновь и вновь прокручивала в голове разговор с алхимиком, пытаюсь понять, что именно показалось мне подозрительным, да никак не могла ухватить. А вышла к свету, и все сразу прояснилось.

Вот она истинная магия: тонюсенький луч рассеивает тьму не только на улицах, но и в голове тоже.

Я вспомнила, как алхимик испугался появления полицейского. Виду не показал, потому и непонятен был его страх, пока он не выдохнул с облегчением. Только в этот момент и стало ясно, как сильно его беспокоил приход пане Томаша. А выдохнул он, когда узнал, что Эльжбета не пила из того пузырька. Обрадовался, чуть не запрыгал от счастья. Видимо, зелье там было непростое, какая-нибудь черная магия. Вот что связывало моравца с моей сестрой. Про стирку белья он выдумал уже под конец беседы, чтобы от нас отвязаться. Алхимик живет, как в хлеву. Такой беспорядок невозможно за неделю навести, хлам и грязь копились в его доме годами. Станет такой неряха белье в стирку отдавать?

Пане Томаш, похоже, размышлял о том же. Когда мы подошли к фонтану, он зачерпнул пригоршню воды, умылся, потом стряхнул оставшиеся на ладони капли и расхохотался.

ВОРЖИШЕК *(смеясь)*. Стирала белье, как же. Этот пес смердящий бельишко не менял уже месяц, а то и больше.

МАРТИНА *(осторожно)*. Зачем же сестра приходила к нему?

ВОРЖИШЕК *(смеясь)*. Хоть он и говорит, что посвятил себя алхимии без остатка, но я уверен, что под мантией

у него все-таки осталось кой-чего. Пусть размером со скрюченный мизинец, а все же годное для...

МАРТИНА (*злобно*). Что же вы весь день эту грязь в ступе толчете?! Эльжбета была невинна!

ВОРЖИШЕК (*насмешливо*). Так может алхимик покупал ее кровь? Вдруг ему кровь девственницы для ритуала нужна была, чтобы свинец в золото превращать. А когда превращение не удалось, понял, что Эльжбета его обманула, и наслал на нее Голема... (*звук пощечины*) Эй, ты чего? Куда побежала? (*удаляющийся крик*) Стой, дуреха!

Сцена третья

Ночная Прага. МАРТИНА быстро идет по улице.

МАРТИНА *(рассказывает, слегка задыхаясь)*. Я влепила пощечину полицейскому! Впервые в жизни. О, какой прилив радости я испытала. Бежала вниз по улице, будто на крыльях летела... Пане Томаш ругался мне вслед, но вскоре его голос затерялся в переулках Праги. Я спустилась к реке, хотелось поскорее вымыть руку. Ладонь горела огнем, щеки тоже пылали. Дорого же мне придется заплатить за свою несдержанность. Отомстит мордатый, в этом можно не сомневаться. Подленькое у них нутро, у всех, без исключения. Завтра же нагрянет с ордером, а за нападение на стража закона в Праге судят сурово. Черт его знает, может и сегодня заявится. Домой возвращаться нельзя, там могут устроить засаду... Но если подняться на крышу и заглянуть в окошко... Вдруг повезет и меня не заметят? Надо рискнуть. Негоже оставлять золото в тайниках, да и деньги в дороге пригодятся.

Я решила исчезнуть из города, хотя бы на время. Отправлюсь в путешествие, может быть в Вену или в Берлин, а может и в Петербург, тоже красивый город, если Франтишек не брешет. Хотя откуда ему знать, дальше рыночной площади сроду не выходил. Сидит в своей лавке, табаком торгует и

брешет. А раз брешет, нет резону ехать в Петербург. Лучше на юг, к морю. В Италию! Но прежде наведуясь-ка я к алхимику. Раз терять уже нечего, довыспрошу все, что сумею, про Эльжбету и зелье в синем пузырьке.

Приходит к дому МОРАВЦА.

Дом пане Ладислава за этот час, кажется, покосился еще сильнее, завис на краю высокого берега Влтавы, дунет ветер посильнее – сползет под откос. Окна светятся, значит, хозяин не спит. Я присела у ставня и прислушалась. Вроде разговаривает с кем-то? Гость у него? В столь поздний час? Вот в чем дело. Ждал кого-то, потому и оборвал нашу беседу внезапно. Торопился избавиться от ненужных свидетелей.

Я попыталась заглянуть в окно – бесполезно. Стекла мутные, все в бурых потеках... Сквозь такие ничего не разглядишь. Приоткрыть дверь? Ох, боязно... Разве что на самую узкую щелочку... Вот так... Теперь можно разобрать голоса. Нет, один голос. Бормотание алхимика. Магию он там творит, что ли? Жуть, как любопытно, но ведь в том и жуть! Обратит меня в канарейку, да в клетку посадит... Голодом морить станет... Нет, надо уходить! Но как уйти, не взглянув на колдовство?!

Скрип двери.

Я открыла дверь, в любую секунду готовая дать стрекача, просунула голову и обомлела. Комната изменилась. Прежде здесь царил бардак, а теперь витала магия. Со стола исчез весь ненужный хлам, скорее всего алхимик просто сбросил

его на пол и постелил темно-бордовую скатерть. Поставил канделябр с черными свечами, я и не знала, что такие бывают. Из чего они сделаны? Почему воск так потемнел? Мне неожиданно вспомнились истории о ведьмах, которых живо сжигали на кострах посреди Праги... Не из этого ли пепла... А впрочем, нет, не хочу даже думать про такое! Это дьяволовы козни, оттого и горят свечи непривычным для глаза огнем, на них пляшет пламя свекольного цвета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.